

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Потёмкина Е.В., Стремоухова А.Д. — «Достоевский и Евангелие от Иоанна»: перевод с французского статьи Н.А. Струве (1983) с комментариями // Филология: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.1.38608 EDN: DRQTTQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38608

«Достоевский и Евангелие от Иоанна»: перевод с французского статьи Н.А. Струве (1983) с комментариями

Потёмкина Екатерина Владимировна

ORCID: 0000-0001-5905-6891

кандидат педагогических наук

Преподаватель, Кафедра русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова

119331, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Крулской, 11, кв. 117

✉ kpisareva@yandex.ru

Стремоухова Анастасия Дмитриевна

Преподаватель, Кафедра естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

108849, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Самуила Маршак, 23

✉ nastya1272@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.1.38608

EDN:

DRQTTQ

Дата направления статьи в редакцию:

12-08-2022

Аннотация: Цель статьи – познакомить читателей с переводом статьи французского русиста, публициста и переводчика Н.А. Струве «Достоевский и Евангелие от Иоанна» (1983), которая до настоящего момента не публиковалась на русском языке. Именно через язык прежде всего читатель знакомится с писателем, поэтому особую ценность для нас представляют работы, в которых рассматриваются стилистические особенности библейских текстов в их последующем сопоставлении с текстами Достоевского. Помимо самого перевода в задачи авторов входило сопоставление исследования Н.А. Струве с подобными работами на русском языке, а также составление комментария к некоторым используемым в статье Н.А. Струве цитатам, понятиям и терминам. В достоевистике

накопилось множество работ, посвященных влиянию Св. Писания на жизнь, творчество и духовный путь Ф.М. Достоевского, однако среди них не так много исследований, в которых ставится вопрос о влиянии текста Св. Писания на идиостиль писателя. Для нас же особый интерес представляет синтаксис Достоевского, а именно сопоставление сочинительных связей слов в его произведениях и тексте Евангелия от Иоанна. Предлагаемый перевод икомментарий позволяют дополнить сложившиеся в достоевистике представления о влиянии Евангелия от Иоанна на творчество Ф.М. Достоевского с учетом результатов недавно проведенных исследований, в том числе – методологии изучения и описания авторского идиостиля и составления словаря языка писателя.

Ключевые слова:

Достоевский, Евангелие от Иоанна, Струве, словарь языка писателя, синтаксис, христианство, текстология, поэтика, Идиот, Дудкин

А стиль Достоевского? Эти плеоназмы, эти гиперболы, эта захлебывающаяся речь... Но вдумайтесь только в эту странную форму, и вы откроете в ней значительность: таков и должен быть язык взбудораженной совести, который сгущает, мозжит, твердит, захлебывается и при этом всё еще боится доверять густоте своих красок, силе своего изображения. (И.Ф. Анненский)

В достоевистике накопилось множество работ, посвященных влиянию Св. Писания на жизнь, творчество и духовный путь Ф.М. Достоевского (Балашов Н.В., Башкиров Д.Л., Волгин И.Л., Гачева А.Г., Дудкин В.В., Есаулов И.А., Касаткина Т.А., Степанян К.А. Тарасов Ф.Б., Тихомиров Б.Н., прот. Хондзинский П.В. и др.), однако среди них не так много исследований, в которых ставится вопрос о влиянии текста Св. Писания на идиостиль писателя ^[14]. Для нас же особый интерес представляет синтаксис Достоевского, а именно сопоставление сочинительных связей слов в его произведениях и тексте Евангелия от Иоанна. Вслед за М.М. Бахтиным мы полагаем, что формальные средства выражения категории «автор-творец» обнаруживаются, в том числе, в связях слов (метафорах, метонимии, повторах, вопросах, параллелизмах и т. д.) ^[1]. Синтаксис таким образом мы вслед за В.В. Виноградовым рассматриваем как набор приёмов организации художественной действительности.

Как отмечает И.В. Ружицкий, помимо гипотаксиса, не меньший интерес для изучения языка Достоевского представляет его паратаксис, т. е. сочинительные связи слов. Исследователи давно обратили внимание на такую черту стиля Достоевского, как своеобразное «нагнетание» смысла, «нанизывание» друг на друга близких по значению слов: *дурное и неприятное; дурной, бесполезный исполнитель и нерадивый музыкант; такой злой, такой дурной ребёнок; дурной и пустой; какая, однако ж, я дурная, мнительная и какая тщеславная; простите глупую, дурную, избалованную девушку <...>*. Анализ паратаксиса позволяет выйти в парадигматику Достоевского, а также обратить внимание на такие фигуры речи, как уточнение, градация, амплификация, художественное противопоставление, зевгма ^[13]. Приведем также пример использования повтора и обыгрывания многозначности слов, благодаря которому можно более четко «увидеть» авторский идиостиль:

Ныне суд **миру** сему; ныне князь **мира** сего изгнан будет вон (Ин. 12, 31; ср. 16, 11) <...> Если **мир** вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были

от **мира**, то **мир** любил бы свое; а как вы не от **мира**, но Я избрал вас от **мира**, потому ненавидит вас **мир** (Ин. 15, 18-19; ср. 17, 14-16).

Да ведь весь **мир** познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «боженьке». (Братья Карамазовы)

В черновиках читаем:

Если б ты создавал **мир**, создал ли бы ты на слезинке ребенка с целью в финале осчастливить людей, дать им **мир** и покой? и для этого необходимо непременно замучить лишь всего-то одно только крохотное существо, вот то самое, било себя кулачонками в грудь и плакало богу. Слезы ребенка (я только про ребенка говорю). Нет, если ты честен, стоит ли **мир** кулачонка?

НВ. Все вещи и всё в **мире** для человека не окончены, а между тем значение всех вещей **мира** в человеке же заключаются.

В одном из черновых набросков:

...если есть другие **миры** и если правда, что человек бессмертен, то есть и сам из других **миров**, то, стало быть, есть и всё, и связь с другими **мирами**. Есть и чудо.

По замечанию И. Бродского, великим Достоевского сделал именно русский язык, и через язык прежде всего читатель знакомится с писателем. Именно поэтому особую ценность для нас представляют работы, в которых рассматриваются стилистические особенности библейских текстов в их последующем сопоставлении с текстами Достоевского. Предметом настоящего исследования стала одна до сих пор не известная на русском языке статья французского русиста, публициста и переводчика Н.А. Струве (1931–2016) под названием «Dostoïevski et l'Evangile selon Saint Jean» («Достоевский и Евангелие от Иоанна»). Она была опубликована в 1983 году в издательском доме «Verdier» в сборнике «Dostoïevski. Les Cahiers de la nuit surveillée» (№ 220) и является доказательством интереса к евангельской теме у Достоевского не только в отечественном литературоведении, но и за рубежом. При этом точек соприкосновения франко- и русскоязычных авторов не так много, во многом по причине отсутствия переводов, о чем свидетельствует косвенное упоминание работы Н. Струве в статье К.А. Степаняна «Евангелие от Иоанна и роман "Идиот"»:

Тема «Достоевский и Евангелие» огромна, она, конечно, не исчерпывается изучением помет писателя на его личном, «сибирском» экземпляре Евангелия (да и эта работа только начата). Каждое из четырех Евангелий, Деяния, Послания, Откровение — всё заслуживает отдельного изучения в свете своего влияния на творчество Достоевского. Отдельного изучения, бесспорно, заслуживает и Четвертое Евангелие. Исследователи (Г.Ф. Коган, Г. Хьетсо и др.) отмечали особую приверженность Достоевского к Евангелию от Иоанна. Это же Евангелие часто называют «русским Евангелием», а Православие — «иоанновым христианством». Всё это делает тему «Достоевский и Евангелие от Иоанна» чрезвычайно важной. Помимо работ упомянутых выше ученых, следует отметить одноименную весьма содержательную статью В.В. Дудкина; в свою очередь Дудкин ссылается на работу Никиты Струве начала 80-х годов, с которой мне пока не удалось познакомиться. Но всё это, конечно, только начало разработки темы. Достоевский неисчерпаем, и несмотря на тысячи книг и исследований, огромная неизученная целина еще простирается перед нами. Данная статья практически не пересекается с работой Дудкина, думаю, что и Никита Струве пишет о другом [\[17\]](#).

Чтобы избежать в будущем подобных выводов, основанных на догадках, предлагаем познакомиться с переводом вышеназванной статьи Н.А. Струве. Работа включает в себя следующие композиционные части. Во введении автор представляет Достоевского как писателя новатора и перечисляет предпосылки формирования его мировоззрения и творческого метода, которые тесно связаны с чтением и изучением текстов Св. Писания. Особое место среди них, безусловно, занимает Евангелие от Иоанна, что, по словам автора, проявляется не только на уровне идей, но также на уровне поэтики и текста. Данное положение конкретизируется далее на примерах *приемов Иоанна* и находит параллели в работах [11, 16], что отражено в комментарии к переводу. Особое внимание Н.А. Струве уделяет проблеме интерпретации тайны Боговоплощения в произведениях Достоевского, его восприятию ключевой для христианства формулы *Слово плоть бысть*, которая является одной из центральных в достоевистике. Стоит также отметить упоминание автором в связи с исследуемой проблемой французского писателя Леона Блуа, практически не известного для русскоязычного читателя, которого Н.А. Бердяев ставил рядом с фамилией Достоевского [2], а прот. А. Ткачев называет «рыцарем Христа-бедняка» [19]. Наконец, указывая на тот факт, что Евангелие от Иоанна оказало исключительное влияние на роман «Идиот», Н.А. Струве также пишет о более синкретичном с точки зрения поэтики романе «Братья Карамазовы», в котором в большей степени находят отражения другие евангельские тексты.

Итак, обратимся к работе Н.А. Струве¹.

Достоевский и Евангелие от Иоанна

Достоевский первым в истории литературы вписал в светский роман евангельскую фигуру Христа, одновременно божественную и человеческую. Это был беспрецедентно смелый писательский ход: Достоевскому удалось сделать одним из героев романа Христа², не превратив тем самым роман в религиозный. Напротив, он перестает следовать классическим канонам наполеоновского, героического романа и переходит в детективный жанр. Кроме того, Достоевский совершает и не менее смелый шаг в религиозной трактовке: он отрывает Христа от церковных догматов и обрядов, чтобы снова приблизить Его к нашему миру, людям, грешникам и блудницам, не умаляя и тем более не унижая идеала Евангелия.

Это двойное литературное и религиозное новшество стало возможным благодаря тому, что Достоевский полностью проникся тайной Откровения Иоанна Богослова. Достоевский открывал для себя Христа по-разному: через свои собственные страдания и страдания своих близких, через каторгу, через состояния перед эпилептическими припадками, но главным образом через Библию. Достоевский обращался к Библии с самого раннего детства и до самой смерти. Три раздела великой Книги Жизни особенно вдохновляли Достоевского и оформили его мировоззрение: книга Иова в Ветхом Завете – с одной стороны, Апокалипсис – с другой, и Евангелие от Иоанна между ними.

Достоевский знал Евангелие наизусть. Он никогда не расставался с экземпляром Нового Завета на русском языке, который ему подарила Наталья Фонвизина, когда он был отправлен в каторжную тюрьму. Для Достоевского незнание евангельских текстов было отличительной чертой новой прозападной элиты, утратившей связь со своим народом³. В черновиках «Братьев Карамазовых» он отмечает: «Очень важно: помещик (Федор Карамазов) цитирует Евангелие с грубыми ошибками. Даже ученый (его сын Иван) ошибается! Никто не знает Евангелия...» [Достоевский 1976b. С. 206]. В «Преступлении и наказании» Раскольников небрежно листает Евангелие в поисках повествования о

воскресении Лазаря, не зная, что его нет у Св. Иоанна. В «Братьях Карамазовых» Иван глубоко ошибается, искажая литургический стих, который, по его мнению, был взят из Евангелия, тогда как на самом деле он взят из Псалтири, тем самым он показывает свое поверхностное знание как священных текстов, так и богослужения. Великие романы Достоевского изобилуют цитатами из Евангелия. Но если старец Зосима рекомендует начинающим христианам читать притчи из Евангелия от Луки⁴, то сами романы и даже их структура неразрывно связаны именно с Евангелием от Иоанна.

Влияние Иоанна проявляется на трех уровнях: на уровне идей (явное заимствование его великих мыслей); на уровне поэтики (подача этих идей в форме романа)⁵ и, наконец, на уровне текста (непосредственное включение двух длинных отрывков из Евангелия от Иоанна).

Из начала Евангелия от Иоанна, красивейшего из христианских текстов, где красота, согласно формуле Луи Буйе, есть не что иное, как «великолепие истины» [Буйе 1955. С. 38], Достоевский извлек (в церковнославянском переводе) три слова, в которых сконцентрирована вся загадка и весь источник споров в христианстве: *Слово плоть бысть* (Ин 1:14).

Безусловно, все четыре Евангелия признают божественную природу Иисуса Христа. Более того, они были написаны именно для того, чтобы подтвердить эту божественность. Однако у каждого евангелиста есть своя доминирующая точка зрения, свой особый взгляд на Иисуса и его миссию. Для Св. Иоанна Иисус – это Слово, ставшее плотью, пришедшее дать жизнь миру. Тайна Боговоплощения проходит красной нитью через всё его свидетельство. В черновиках «Бесов» Достоевский несколько раз возвращается к этой ключевой формуле, в которой, по его словам, «источник жизни, и спасение от отчаяния всех людей, и условие, *sine qua non*, и залог для бытия всего мира⁶». Далее Достоевский добавляет: «Многие думают, что достаточно верить в мораль Христову, чтобы быть христианином. Не мораль Христова, не учение Христа спасет мир, а именно вера в то, что слово плоть бысть. Вера эта не одно умственное признание превосходства его учения, а непосредственное влечение. Надо именно верить, что это окончательный идеал человека, всё воплощенное слово, бог воплотившийся» [6].

Трудно быть более точным. Пьер Паскаль, несомненно, не знал об этом произведении, когда писал в своей работе «Достоевский перед Богом», что восхищение, даже преклонение Достоевского перед Христом не привело к признанию писателем его божественности [12].

Напротив, согласно Достоевскому, Христу можно по-настоящему поклоняться, только если он есть Бог. И в некотором роде метафизический замысел Достоевского направлен на борьбу с преуменьшением гуманизма христианства. На Западе я обнаружил такой интерес к факту Боговоплощения только у Леона Блуа. В замечательной и по несправедливости малоизвестной книге «Душа Наполеона» он пишет: «Это Воплощение не только тайна, какой ее считают, но и центр всех тайн вообще». Любопытно, что Блуа, который, несомненно, не читал Достоевского (если бы он его и прочитал, то не смог бы понять), проливает новый свет на мистическое значение земли, которую мы находим у автора «Братьев Карамазовых»: «Сказано, что Сын Божий – Его Слово – “стало плотью”, а это равнозначно тому, что Он стал *землею*, так как человек во плоти создан из праха земного. Но Бог, вочеловечившись, неизбежно действовал согласно своей божественной природе, то есть оставался *абсолютной истиной*, и тем самым стал Человеком более всех остальных людей, созданных из праха, Он сам стал *Землею* в

наиболее мистическом и глубоком смысле этого слова» [3]. Таким образом, получается, что почитание Земли Достоевским представляет собой не уступку языческому или натуралистическому романтизму, а, скорее, материальное, космическое расширение веры в Боговоплощение⁷.

Св. Иоанн раскрывает нам и другой важный момент, а именно источник противоречий, порожденный Боговоплощением. Слово, через которое «всё начало быть» (Ин 1:3), смиренно превратилось в плоть, стало одновременно предметом славы и бесчестия (ведь иудеи не желали иметь мессию, не наделенного силой), одновременно ограниченными рамками видимого образа и способным восторжествовать над ним, что может увидеть, однако, только уверовавший. Вот почему «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5).

«Рембрантовский» свет в романах Достоевского напрямую вдохновлен прологом Евангелия от Иоанна: в «Преступлении и наказании» он сведен к одной точке (падшая женщина, читающая Евангелие преступнику); в «Идиоте» свет сияет, но тем не менее окружен тьмой; в «Бесах» он постепенно затухает до тех пор, пока не исчезает вовсе, оставаясь заметным лишь условно; наконец, в итоговом произведении «Братья Карамазовы» свет распределен наиболее равномерно⁸.

Фактически, это всё поэтика напряжения (на которую указывает Ефим Эткинд), восходящая к Евангелию от Иоанна: напряжение в процессе борьбы света и тьмы, напряжение между двумя категориями творения, человеческой и божественной, в которых перемещаются все персонажи, временное напряжение, наконец. У Св. Иоанна время никогда не бывает линейным, никогда не бывает чисто событийным. Оно, как и у Достоевского, чрезвычайно сконцентрировано и символически выражено, потому что оно, с одной стороны, проникнуто вечностью, а с другой – идет к катастрофическому концу, предопределенному и всё же добровольному, неизбежному, но неоднократно откладывающемуся. Таким образом, после пролога, происходящего вне времени, первая глава (и начало второй) Евангелия от Иоанна (в котором всего двадцать глав) охватывает одну неделю, которая описывается почти день за днем. Точно так же, с шестой главы и до конца в Евангелии от Иоанна представлена последняя неделя жизни Иисуса, которую евангелист описывает так же тщательно, как и первую.

Конфликт в Евангелии от Иоанна возникает с самого начала: Иисус изгоняет из Храма торговцев животными, предназначенными для жертвоприношений, и объявляет, говоря о разрушении Храма, о своих будущих страданиях. Этот скандал нависает над Христом угрозой смерти, которая будет усиливаться (глава V, глава VII, глава X: попытка побить камнями), но которая будет отложена, поскольку для того, чтобы полностью выполнить свою миссию, Христос выбирает свой момент, свой кайрос⁹: «Мое время еще не настало...».

Эту временную структуру, эту предсказанную, но отсроченную катастрофу мы находим почти в чистом виде в «Идиоте», потому что этот роман представляет собой как бы долгое непрерывное чтение Евангелия, своего рода «романные страсти» по Иоанну¹⁰. Та же концентрация времени, что и в Евангелии (только один день для первой части), те же повторяющиеся объявления о надвигающейся, но отсроченной катастрофе. Эта катастрофа сначала коснется Настасьи Филипповны Барашковой, «бессмертной овечки» согласно ее имени и фамилии, затем князя Мышкина, которого один из главных героев называет «овцой»¹¹. Князь Мышкин – символическая, романтическая и, конечно же, отдаленная копия Христа, и он действительно придерживается подхода Иоанна: он

посланник, пришедший извне, объект негодования для людей, которые, восхищаясь им, одновременно ропщут на него. В своих первых монологах князь перенимает стилистические особенности писания Иоанна, включая антитетический и прогрессивный параллелизм¹². Вот несколько примеров: «Теперь я к людям иду; я, может быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь». «Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всем стыдно, а вот вам я говорю, и с вами мне не стыдно...»¹³.

Помимо стиля написания сама структура романа отражает структуру Евангелия. Мышкин относится не только к истории событий (то есть к сюжету романа), но и к вневременному символу. Он легко перемещается в обеих категориях творения, в реальных местах и в метафизическом пространстве. Пример: встреча князя и Настасьи Филипповны происходит как в квартире Гани, в ноябре того года, так и вне пространственных и временных границ. Это настоящая встреча, но также миф о безвременье любви и, кроме того, символ Спасителя, который приходит, чтобы признать и вернуть падшее Творение в его первоначальное состояние. Подобно Евангелию от Иоанна, роман Достоевского представляет нам «факты и истины, которые не противопоставляются, но неразрывно соединены, соединены настолько идеально, что пренебрегать фактами и смотреть только на истины – значит размывать их, а отбрасывать истины для того, чтобы придерживаться только фактов, – означает обрекать себя на то, чтобы никогда не достичь этих истин, только если в корне обедненных, обезображенных и неузнаваемых» [\[4\]](#).

Два эпизода чтения Евангелия от Иоанна в «Преступлении и наказании» и в «Братьях Карамазовых» написаны с использованием приема Иоанна: приводится реальный *факт*, неразрывно связанный с истиной. Читая повествование о воскресении Лазаря, невозможно отделить *факт* от его *истины*. Факт – это возвращение к жизни человека, который был мертв четыре дня и уже смердел. Истина – это свидетельство, которое Христос дает самому себе: «Я есмь воскресение...» (Ин 11:25), и это исповедание веры Марфой еще до того, как ее брат воскрес: «Я верую, что Ты Христос, Сын Божий» (Ин 11:27). Для Раскольникова душевное и физическое воскресение должно произойти через акт исповедания веры во Христа-Бога, исповедание, которое отвергается в самом конце романа и за пределами эпилога.

Чтение отрывка о Кане Галилейской является частью ритуального чтения, которое проводится для умерших священнослужителей. В романе «Братья Карамазовы» это происходит около тела умершего Зосимы (как и у Лазаря). Его центральное значение подчеркивается символикой цифр: оно появляется в седьмой книге третьей части...

В отрывке о Лазаре была победа жизни над смертью, символ и ожидание преображения всего созданного. Превращение воды в вино в отрывке о Кане представляет собой символ онтологического перехода от земной жизни к вышней. Раскольников беспорядочно жаждал обетования о Спасителе, но не мог уверовать. Алеша уже обрел Бога, но вера его пошатнулась, потому что тело старца, умершего на вершине святости, издавало тлетворный дух к огорчению его учеников. Однако смысл и результат появления в тексте Достоевского двух отрывков един: переход от смерти к жизни уготовлен для Раскольникова в будущем, а Алешей переживается в настоящем.

Приведенных примеров, на мой взгляд, достаточно, чтобы показать особую роль Евангелия от Иоанна в христологическом творчестве Достоевского, однако его значимость не исключительна. В своей проповеди отрокам старец Зосима, как мы знаем, наказывает читать притчи из Евангелия от Луки. Одна из них – притча о свиньях, в которых вселились бесы, является эпитафией и центральной идеей «Бесов». Книгоноша,

открывшая евангельскую истину заблудшей душе, имеет символическое имя Софьи (Мудрость) и не менее символическое отчество Матвеевна (дочь Матфея)¹⁴.

В «Братьях Карамазовых» и особенно в «Легенде о Великом инквизиторе» Достоевский прибегает к Св. Матфею и Св. Марку, чтобы сделать последний шаг. До этого в его романах Христос появлялся опосредованно: через чтение Евангелия, через символических персонажей, через инверсию. Все эти приемы сохранились и в «Братьях Карамазовых» (чтение отрывка о Брачном пире в Кане, диалоги Зосимы и Алеши, «Бунт» Ивана»), но здесь впервые Достоевский осмелился изобразить живого Христа, вновь присутствующего среди людей, исцеляющего больных, воскрешающего мертвых. Это описание Христа, погруженного в толпу, явно навеяно «народными» Евангелиями от Матфея и Марка.

Таким образом, если «Идиот» представляет собой роман по Св. Иоанну, если «Бесы» раскрывают притчу по Св. Луке, то роман «Братья Карамазовы» является произведением синтеза: полное притч, как у Св. Луки, наглядное, живописное и живое, как у Св. Матфея, и таинственное и мистическое, как у Св. Иоанна.

Комментарий:

¹ Перевод осуществляется с письменного согласия дочери Н. Струве, Мелании Струве-Ракович с копии *Struve N. Dostoievski et l'Evangile selon Saint Jean* (1983), взятой в Муниципальной библиотеке Бордо.

² Имеется в виду Князь Мышкин. «10 апреля п. ст. 1868 г. Достоевский отметил для себя в ПМ2 [Подготовительных материалах во второй, третьей и четвертой частям окончательной редакции романа]: "Евангелие от Иоанна Богослова". Сразу же после этого писатель зафиксировал сложившуюся мысль: "Князь Христос". <...> Между 10 и 13 апреля Достоевский, размышлявший над тем, какое "поле действия" избрать для главного героя, отметил еще раз: "Князь Христос". <...> Повторенное трижды в очень короткий временной промежуток решение наделить героя чертами евангельского Христа свидетельствовало о стремлении придать большую значимость одной из главных идей, одухотворявших замысел Достоевского» [\[9\]](#).

³ Из «Дневника писателя» 1980 г., «Одна из современных фальшей»: «<...> я был, может быть, одним из тех (я опять про себя одного говорю), которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к узнаванию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства <...>».

⁴ Автор ссылается на слова Зосимы: «Попробуйте прочтите ему далее повесть, трогательную и умильную, о прекрасной Эсфири и надменной Вастии; или чудное сказание о пророке Ионе во чреве китове. Не забудьте тоже притчи господни, преимущественно по Евангелию от Луки (так я делал), а потом из Деяний апостольских обращение Савла (это непременно, непременно!), а наконец, и из Четьи-Миней хотя бы житие Алексея человека божия и великой из великих радостной страдальницы боговидицы и христоносицы матери Марии Египтяныни – и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаниями, и всего-то лишь час в неделю, невзирая на малое свое содержание, один часок» [\[8\]](#).

⁵ На стилистические особенности текста Евангелия от Иоанна, сближающие его с

творческим методом Достоевского, указывает в своей работе В.В. Дудкин: «Библия – книга универсальная, книга книг. Она может рассматриваться не только как сакральный текст, божественное откровение, но и как художественное произведение. И трудно себе представить, чтобы Достоевский за долгих четыре года каторжной жизни, Достоевский-писатель, подчеркнем, имея возможность читать только одну-единственную книгу, не взглянул бы на Евангелие от Иоанна профессиональным взглядом и не оценил его художественной специфики» [\[11\]](#). И далее исследователь выделяет следующие особенности Евангелия от Иоанна сближающие его с творческим методом Достоевского: трагедийность (поэтика скандала) и сценичность, стремление к эффектам, «овнутревление» (перевод во внутренний план священной истории), наличие и важность фигуры повествователя. Среди стилистических особенностей Евангелия от Иоанна выделяют также: двойные смыслы, игровое употребление слов, иронию, вставные эпизоды и др. Прот. Александр Сорокин во «Введении» к Новому завету отмечает, что четвертое Евангелие – не только самое богословски глубокое, но и самое остроумное из всех Евангелий, а как известно, остроумие и ирония часто оказываются наиболее эффективным средством, чтобы выйти за пределы какого-то общепринятого клише, прочно укоренившегося в общественном сознании» [\[16\]](#).

⁶ Полная цитата: « [Князь] Но ведь мы с вами, Шатов, знаем, что всё это вздор, что Христос-человек не есть Спаситель и Источник жизни, а одна наука никогда не восполнит всего человеческого идеала, и что спокойствие для человека, источник жизни и спасение от отчаяния всех людей, и условие, *sine qua non*, и залог для бытия всего мира и заключаются в трех словах: *Слово плоть бысть, и вера в эти слова* – и в этом сейчас сговорились» [\[6\]](#). *Sine qua non* – лат. «непременное условие».

⁷ С этой точки зрения значимым является употребление слова *земля* в сочетании со словами *слезы*, *целовать*, *обнимать*, *падать*, *повергаться* в «Братьях Карамазовых», в частности: «С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. | Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. "Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои..." – прозвенело в душе его» [\[8\]](#).

⁸ Л.П. Гроссман в «Поэтике Достоевского» определяет «рембрантовский» эффект следующим образом: «Таков обычный прием Достоевского. Всё его описание сводится обыкновенно к быстрой смене резких контуров и красочных пятен. <...> Четкость и резкость зачерченных контуров может сравниться здесь только с поразительной силой внутреннего движения, порыва и беглости всей картины. Может быть, в силу этой художественной манеры у Достоевского так часто встречаются картины, озаренные последними вспышками догорающих огарков. Игра ускользящих светотеней дает изумительно резкие контуры и выпуклые рельефы, которые представляются особенно ценными взгляду эпилептика. Достоевский испытывает явное пристрастие к этому рембрантовскому эффекту и постоянно пользуется им» [\[5\]](#).

⁹ Др.-греч. *Καίρός* «благоприятный момент».

¹⁰ Аллюзия на ораторию Баха «Passion selon Saint Jean» («Страсти по Иоанну»).

¹¹ Речь идет о Рогожине: «И будет каяться! – закричал Рогожин, – будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (он не мог приискать другого слова) оскорбил!» [\[10\]](#).

¹² Слова Князя Мышкина при первой встрече с Епанчиными. [\[10\]](#).

¹³ Параллелизм (наряду с повтором) является не только одним из излюбленных приемов синтаксической организации текста в романе «Идиот» в речи Князя Мышкина, но и вообще является отличительной особенностью стиля Достоевского, которая не раз подвергалась критике: произведения Достоевского называли многословными, неотделанными, а слог – нестройным. То, что «многословность» Достоевского упорядочена и несет смысловую нагрузку находит отражение в зоне сочинительных связей слова «Словаря языка Достоевского». Считаем возможным выдвинуть гипотезу, что частое использование параллелизма и повтора может быть связано, с одной стороны, со стремлением писателя наиболее полно отразить внутреннюю речь персонажей, и с другой стороны, со стилистической ориентацией на язык Св. Писания, в котором представлены разнообразные способы воздействующих типов дискурса. Например, отмечается, что в жанре проповеди особый интонационный рисунок речи, его ритмичность создается за счет использования различного типа повторов, в том числе смысловых.

¹⁴ Речь идет о Софье Матвеевне Улитиной и Степане Трофимовиче Верховенском.

Библиография

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бердяев Н.А. О духовной буржуазности. 1926. №
3. – С. 3–13. 3. Блуа Л. Душа Наполеона, Париж: Mercure de France, 1912.
4. Буйе Л. Четвертое Евангелие, Париж: Casterman, 1955.
5. Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М., 1925. – 191 с.
6. Достоевский Ф.М. Бесы. Рукописные редакции. Т.11. 1974а.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Рукописные редакции. Т.15. 1976б.
8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Т.14. 1976а.
9. Достоевский Ф.М. Идиот. Рукописные редакции. Т.9. 1974б.
10. Достоевский Ф.М. Идиот. Т.8. 1973.
11. Дудкин В.В. Достоевский и Евангелие от Иоанна // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 337–348.
12. Паскаль П. Достоевский, Париж: Desclée de Brouwer, 1969.
13. Ружицкий И.В. О языке Достоевского // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 9. – С. 73–81.
14. Ружицкий И.В. Почти совершенно и почти совсем как идиостилевые маркеры Достоевского // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 1. – С. 193–200.
15. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов; науч. ред. И.В. Ружицкий. – М.: Азбуковник, 2021. – 1225 с.

16. Сорокин А. Христос и Церковь в Новом Завете, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/hristos-i-tserkov-v-novom-zavete>. (дата обращения: 08.12.2021).
17. Степанян К.А. Евангелие от Иоанна и роман «Идиот» // Достоевский и мировая культура. М., 2001. № 14. С. 96–111.
18. Тарасов Ф.Б. Роль Евангелия в художественном творчестве Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. С. 303–311 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2670> (03.08.2022).
19. Ткачев А. Рыцарь Христа-бедняка. О Леоне Блуа и его книгах, которых... нет на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/124417.html> (03.08.2022).
20. Struve N. Dostoïevski et l'Evangile selon Saint Jean // Les Cahiers de la nuit surveillée. Dostoevski. Ed. Verdier. № 220. Lagvatte, 1983. 208 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья ««Достоевский и Евангелие от Иоанна»: перевод с французского статьи Н. А. Струве (1983) с комментариями», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к исследованиям религиозного влияния на творчество отечественных классиков.

В статье рассматривается обращения к священным текстам в работах Ф. М. Достоевского и их осмысление. Однако название статьи наталкивает на мысль, что работа не является самостоятельным научным исследованием, а авторским переводом статьи, датированной 1983 годом, с французского языка с авторским комментарием (автора французской статьи или переводчика?).

Вводная часть к переводной статье очевидно является авторским осмыслением текста статьи Н. Струве, который начинается с подзаголовка «Достоевский и Евангелие от Иоанна».

Оценить качество и адекватность перевода не представляется возможным, ввиду отсутствия активной ссылки на источник в сети в интернет.

С другой стороны, является не ясным ввиду редкого прецедента: может ли быть переводная статья опубликована в научном реферативном журнале с авторском переводчика, так политика научного журнала предполагает представления данных исследования, приращения научного знания или его нового осмысления, ввиду меняющейся действительности. В конкретном случае мы видим представление статьи 40 летней давности читателю (она не была ранее переведена согласно утверждению автора) без какого бы то научного эксперимента, гипотезы, указания реалий нашего времени, отраженных в тексте, иного осмысления текста, отличного от предыдущих периодов изучения.

В вводной части есть ряд спорных утверждений, например, 1) Она была опубликована в 1983 году в издательском доме «Verdier» в сборнике «Dostoevski. Les Cahiers de la nuit surveillée» (№ 220) и является наглядным доказательством пристального внимания к евангельской теме у Достоевского не только в отечественном литературоведении, но и за рубежом. – По наличию одной статьи утверждать о пристальном внимании к тематике за рубежом? Насколько данное утверждение валидно и доказуемо?

2) во многом по причине отсутствия переводов, о чем свидетельствует упоминание работы Н. Струве в статье К.А. Степаняна «Евангелие от Иоанна и роман "Идиот"»:

- значит ли это что переводимая статья уже косвенно была изучена отечественными исследователями?

После данной часть собственно располагается переводной текст конца прошлого века, судить о научности или не научности которого мы не вправе, так как он размещен без указания на разрешение автора.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены труды как на русском языках, среди которых, собственно, романы Ф. М. Достоевского, словарь, ряд работ на русском языке по исследуемой научной проблематике.

Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

А также позволило бы судить о самостоятельности научного исследования на базе научной статьи, которое в настоящем ее виде полностью отсутствует.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья ««Достоевский и Евангелие от Иоанна»: перевод с французского статьи Н. А. Струве (1983) с комментариями» может быть рекомендована к публикации в научном журнале только после 1) разработки научной части исследования, постановки цели, задач, гипотезы, ибо цель – представить русский перевод статьи не является научной целью 2) выдерживания четкой методологии исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Ф.М. Достоевского многогранно, многоаспектно, вариативно, следовательно, интерес к его текстам не ослабевает с течением исторического времени. Исследователи все активнее расширяют круг работ посвященных поэтики текстов Достоевского, активно изучают вектор проблем и тем, которые были подняты писателем, пристально всматриваются в язык классика. Предметом рецензируемой статьи стала одна до сих пор неизвестная на русском языке статья французского русиста, публициста и переводчика Н.А. Струве (1931–2016) под названием «Dostoïevski et l'Évangile selon Saint Jean» («Достоевский и Евангелие от Иоанна»). Она была опубликована в 1983 году в издательском доме «Verdier» в сборнике «Dostoïevski. Les Cahiers de la nuit surveillée» (№ 220) и является доказательством интереса к евангельской теме у Достоевского не только в отечественном литературоведении, но и за рубежом». Исследовательский проект, представленный к публикации, полностью продуман и грамотно выстроен. Главное, автор объективно конкретизирует роль статьи Н.А. Струве в общей массе критических источников связанных с вариативной оценкой влияния Евангелия от Иоанна на язык / стиль Ф.М. Достоевского. Большая часть номинаций в работе фундаментальна, интересна, филологически точна. Например, «Достоевский первым в истории литературы вписал в светский роман евангельскую фигуру Христа, одновременно божественную и человеческую. Это был беспрецедентно смелый писательский ход: Достоевскому удалось сделать одним из героев романа Христа, не превратив тем самым роман в религиозный. Напротив, он перестает следовать классическим канонам наполеоновского, героического романа и переходит в детективный жанр. Кроме того, Достоевский совершает и не менее смелый шаг в религиозной трактовке: он отрывает

Христа от церковных догматов и обрядов, чтобы снова приблизить Его к нашему миру, людям, грешникам и блудницам, не умаляя и тем более не унижая идеала Евангелия», или «помимо стиля написания сама структура романа отражает структуру Евангелия. Мышкин относится не только к истории событий (то есть к сюжету романа), но и к вневременному символу. Он легко перемещается в обеих категориях творения, в реальных местах и в метафизическом пространстве. Пример: встреча князя и Настасьи Филипповны происходит как в квартире Гани, в ноябре того года, так и вне пространственных и временных границ. Это настоящая встреча, но также миф о безвременье любви и, кроме того, символ Спасителя, который приходит, чтобы признать и вернуть падшее Творение в его первоначальное состояние» и т.д. Вариант интерпретации / оценки статьи Н. Струве дан точно, вслед за автором. Материал, представленный к публикации, имеет явный практический характер, его можно использовать при изучении курсов филологического профиля, «Истории русской литературы», творчества Ф.М. Достоевского. Финал статьи оснащен блоком-комментарием: в частности здесь отмечено, что «перевод осуществляется с письменного согласия дочери Н. Струве, Мелании Струве-Ракович с копии Struve N. Dostoevski et l'Evangile selon Saint Jean (1983), взятой в Муниципальной библиотеке Бордо». Думаю, что ценность и новизна заключается именно в этом, расширение круга критических работ на русском языке по проблемам поэтики / стилистики Ф.М. Достоевского задача важная и необходимая. Основные требования издания учтены, серьезной правки текста не требуется. Статья ««Достоевский и Евангелие от Иоанна»: перевод с французского статьи Н.А. Струве (1983) с комментариями» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».